

МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ
НА РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНОВ / MOBILITY
OF POPULATION AS A FACTOR OF INFLUENCE ON THE SOCIAL
LIFE DEVELOPMENT IN THE REGIONS

Серия «История»
2014. Т. 9. С. 101–115
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 94(47)«1918/1922»

«Сибирский бег»:

**вынужденные миграции на востоке России
в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.)***

В. М. Рынков

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

Аннотация. В статье исследованы беженство и эвакуация – две основные формы вынужденных миграций гражданского населения восточных регионов России в 1918–1922 гг. Автор проанализировал приблизительные количественные параметры этого явления на разных этапах Гражданской войны, показал, что вынужденная миграция оборачивалась массовой нисходящей вертикальной мобильностью, а кроме того, резко ухудшала положение населения принимающих регионов, продуцируя нисходящую мобильность вовне.

Ключевые слова: социальная мобильность, миграции, Гражданская война, беженство, эвакуация, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток.

Любая война порождает масштабные миграционные потоки. Люди спасаются от последствий боевых действий и политических преследований, вывозят имущество. С массовым беженством Россия столкнулась еще в годы Первой мировой войны. Это событие действительно открыло эпоху модернизации в истории вынужденных миграций [3, с. 186–215, 658–660]. Если ранее организованное перемещение населения было связано преимущественно с мобилизацией мужчин в армию и маневрами войск по территории фронтов, местные жители бежали из мест боев стихийно, иногда при минимальной поддержке воюющих государств, то в условиях Первой мировой войны проявился заметный элемент организованности и управляемости миграционных потоков со стороны государства. В России в это время были приняты правила эвакуации с территорий, которым угрожало занятие противником, порядок оказания материальной помощи эвакуированным и беженцам. Социальную помощь беженцам отличала ведомственная множественность. Ее начинали общественные благотворительные организации, действовавшие на частных пожертвования и субсидии от казны, затем подключились земские и

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

городские органы, Красный Крест, наконец государственная власть. На лето 1917 г. в стране насчитывалось, по разным данным, от 3,8 до 7,2 млн беженцев. Численность беженцев, проследовавших в Азиатскую Россию, определяется исследователями в диапазоне 114–166 тыс. человек, или около 2 % от всей численности беженцев [17, с. 71; 40, с. 225; 52, с. 108].

«Выросшая» хронологически из мировой, Гражданская война, с ее чересполосицей политических режимов, стремительно менявшейся линией фронтов, обернулась усложнением пространства горизонтальных миграций. Это связано и с наложением прежних и новых потоков движения населения, часто разнонаправленных, и с тем, что некогда единая перед лицом внешнего противника масса народа разделилась теперь по политико-идеологическому, классово-сословному признаку на противоборствовавшие лагеря. Признаваемое «своим» внутри одного лагеря беженство и эвакуация не считались законными для другого. Наконец, само исчерпание ресурсов власти по организации людских потоков внесло кардинальные перемены в характер взаимодействия мигрирующих и органов управления.

В последние годы появилось немало литературы о беженцах Первой мировой войны. Хуже изучена проблема применительно к Гражданской войне. В поле зрения исследователей попали отдельные сюжеты, анализ которых производился на фрагментарной источниковой базе, без опоры на ключевые источники [48; 49; 59; 60; 66; 70; 78; 79; 85; 87]. Попытка дать обобщающую характеристику проблемы [1; 84] свидетельствует о невозможности дальнейшего исследовательского прогресса без изучения вынужденных миграций в пределах макрорегионов, вычлененных внутри России ходом Гражданской войны.

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении проблем горизонтальной мобильности населения на востоке России на всем протяжении Гражданской войны. Оговоримся, что речь пойдет только о движении гражданского населения и тех камбатантов, которые фактически переставали быть участниками боевых действий. Движение воинских контингентов имеет свою специфику и является самостоятельным объектом исследования. В поле зрения попадет пространство от Прикамья и Поволжья до Дальнего Востока. Здесь летом – осенью 1918 г. находилось несколько антибольшевистских правительств, из которых наиболее значимые – самарский Комуч и Временное сибирское правительство с резиденцией в Омске. Разнородные политические силы ненадолго объединило Временное российское правительство (Директория), а после ее свержения в результате государственного переворота – Российское правительство и Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак. Отступление Белой армии завершилось в начале 1920 г. свержением Колчака. В 1920 г. в Восточном Забайкалье сохранялась власть Верховного главнокомандующего вооруженными силами Российской восточной окраины атамана Г. М. Семенова, а в Приморье различные просоветские и антисоветские режимы сменяли друг друга до октября 1922 г.

Первая мировая война еще была далека от завершения, но в конце 1917 г. – начале 1918 г. возрос поток внутренних мигрантов, изменился характер миграции. В Сибирь направились тысячи жителей тыловых районов

европейской части России, спасаясь от голода и от политического давления нарождающегося советского режима. Екатеринбургский регистрационный пункт с января по май 1918 г. зарегистрировал 52 622 переселенца, челябинский – около 150 тыс. Это только те, кому удалось зарегистрироваться как беженцам либо как аграрным переселенцам [34; 35; 60, с. 211].

Начавшаяся Гражданская война только подстегнула новое движение населения, которое в силу своей неорганизованности не поддается статистической оценке. Из прифронтовых районов бегство от «красных» было массовым, поволжские города летом 1918 г. оказались наводнены бегущими из Советской России, что потребовало привлечения беженских организаций к работе с новыми контингентами [16, 13 июля; 46, с. 76, 80, 81, 87; 87]. Очевидно, что по обратную сторону фронта наблюдалось аналогичное движение – сторонники советской власти и сочувствующие ей спасались из «логова контрреволюции».

В сентябре 1918 г. началось отступление Народной армии Комуча из Поволжья. Европейская часть России в представлении «белых» лидеров превратилась в территорию, временно отданную противнику, и миграция с запада на восток вновь стала восприниматься как бегство или даже эвакуация. Число ушедших из Казани с отступавшей Белой армией оценивается в диапазоне от 30 до 78 тыс. чел. Как полагает С. Ю. Малышева, это от 30 % до 57 % горожан, вероятно, не учитывая беженцев, двигавшихся через Казань «транзитом» из более западных областей [56, с. 54]. Прикамье покинуло, по определению мемуариста «на глазок», 40–50 тыс. чел. [41, с. 370, 373]. В сентябре 1918 г. в Самаре скопилось около 20 тыс. беженцев из Казани, Симбирска и Сызрани, и еще в городе находилось около 22 тыс. беженцев Первой мировой войны [62, 17, 18 сент.].

Комуч приравнивал бегущих от «красных» к беженцам Первой мировой войны для оказания им материальной помощи по тем же нормам [26; 27, л. 50–50 об., 66; 43, с. 104], но уже в октябре ему пришлось эвакуировать своих служащих в Уфимскую и Оренбургскую губернии [27, л. 98–98 об.; 47, 5 окт.; 69, с. 226]. В конце октября в самом Оренбурге стали готовиться к эвакуации [65, 30, 31 окт.].

На Урале и в Сибири основную тяжесть работы с беженцами взяли на себя муниципальные органы. 8 августа 1918 г. МВД Временного сибирского правительства уведомило губернских и областных комиссаров, глав земских и городских самоуправлений, что не в состоянии проявлять должную заботу о беженцах Первой мировой и Гражданской войн. Содержание сирот, нетрудоспособных и многодетных семей, предоставление им медицинского обслуживания и дешевых помещений, обеспечение санитарно-гигиенических мероприятий ложились на городские и земские управы. С октября 1918 г. МВД взялось компенсировать 1,5 руб. в месяц на одного призываемого [21; 30; 63, л. 6; 73, л. 2–3].

Эвакуация Поволжья происходила крайне не организованно, «содействие» властей выражалось в создании системы пропусков и регистрации, лишь затруднявших движение людей. Беженцев плохо информировали о событиях на фрон-

те, из-за чего многие эвакуировались в район дальнейшего отступления войск и были вынуждены срочно следовать в противоположном направлении. 17 сентября 1918 г. Административный совет Временного сибирского правительства отказал управляющему внутренних дел Комуча в размещении беженцев из Поволжья, согласившись принять только уже прибывших в Сибирь [19, с. 421]. Около 40 тыс. чел. задержали на западных границах Сибири [55, с. 188].

Директория возобновила прием беженцев и эвакуированных служащих Комуча, учтя переполненность ими Южного Урала [18, с. 28, 40, 48, 68]. 4 октября 1918 г. была учреждена должность Главноуполномоченного по делам беженцев, 4 ноября в МВД организовали отдел призрения, которому передавались в том числе, и вопросы по устройству беженцев [11, 15 нояб.; 18 с. 65–66; 19, с. 110–111, 272, 281]. По линии железной дороги от Челябинска до Иркутска были созданы 15 питательных пунктов, а в Новониколаевске – центральное справочное бюро, где беженцев регистрировали, распределяли по местам вселения и подыскивали им службу [71, 9 апр.].

По данным МВД, вероятно, заниженным, поток беженцев из Поволжья осенью 1918 г. достигал 100 тыс. чел. Из распределительного пункта в Новониколаевске в соответствии с заранее намеченным планом беженцев расселяли в районах от Новониколаевска до Иркутска. Томское губернское земство должно было принять 20 тыс. беженцев, Алтайское – 40 тыс., Иркутское – 4 тыс., вся Сибирь – чуть более 60 тыс. Остальные считались избыточными. Принимающая сторона ориентировалась на размещение беженцев в сельской местности, чтобы предоставить им возможность заняться земледельческим трудом. Эта практика, мало оправдавшая себя в дореволюционный период, еще менее учитывала специфику беженства времен Гражданской войны с преобладанием в ее среде интеллигенции. Новониколаевское центральное справочное бюро успело осенью 1918 г. зарегистрировать только 25 тыс. беженцев, из которых трудоустроить смогли лишь 561 чел. Таково яркое свидетельство более чем скромного эффекта мер по устройству беженцев и их адаптации в местах временного проживания.

Лишь работникам государственных учреждений и предприятий правительство пыталось обеспечить организованную эвакуацию, материальные издержки которой компенсировались в виде эвакуационных пособий [79, с. 135, 147–151], а остальным гарантировало небольшую материальную помощь по прибытии в Сибирь. Переполнившую уральские и сибирские города массу беженцев местные власти оказались не в состоянии обеспечить жильем, одеждой, организовать приемлемые санитарные условия в местах пребывания. Приток мигрантов привел к повышению цен на жилье [36, 6 окт.]. Многие беженцы вынуждены были проживать в вагонах, на вокзалах. Так, например, в Новониколаевске только 5 тыс. беженцев разместились в заранее приготовленных городской управой квартирах, прочие – в 32 эшелонах на линии железной дороги. Аналогичная ситуация была во всех сибирских городах.

Нельзя говорить об абсолютном господстве патерналистских настроений в среде беженцев. Те, кто приехал в Сибирь раньше и успел устроиться, помогали адаптироваться вновь прибывающим. Во многих сибирских городах

действовали землячества или организации беженцев отдельных городов и регионов, предоставляя материальную помощь или протекцию при поиске работы [78, с. 24–25]. Старые социальные связи быстро восстанавливались, давали новые ростки. Очень сильны были этнические общины беженцев, между местными жителями и беженцами соответствующей национальности быстро устанавливались партнерские отношения, что способствовало их адаптации [72, 13 нояб.].

Большинство мигрантов бедствовали и не могли получить серьезную поддержку ни от правительства, ни от общественных организаций. Для них вынужденное путешествие на восток стало одновременно социальным лифтом, ведущим на дно общества. Часть беженцев пыталась обосноваться на земле, главным образом путем самовольных захватов, но встречала отпор со стороны органов государственной власти и местного населения. Врачи, артисты, учителя из других регионов переполнили уральский и сибирский рынок интеллектуальных услуг. Известно, что большинство людей, попав в экстремальную ситуацию, придерживаются таких стратегий адаптации, как самоограничение и использование социального капитала (помощь от родственников, знакомых, реализация ранее накопленного имущества). Но у беженцев потенциал таких стратегий быстро исчерпывался, к тому же они оказывались в новом месте, часто во враждебном окружении. Сибирское население, уставшее от наплыва во всем нуждавшихся и порой совершенно беспомощных масс людей, относилось к ним весьма недружелюбно [13, 21 авг.; 53, с. 69]. Недовольство в городах вызывали жилищные уплотнения, в сельской местности – подводная повинность крестьян для перевозки беженцев. Недостаток помощи от государства можно было компенсировать только через девиантную адаптацию [6, с. 50–51]. Масса неработающих беженцев вынуждена была нищенствовать или добывать на пропитание противоправными действиями. Источники фиксируют и отдельные случаи вымогательства у сельских жителей большими вооруженными группами беженцев [9, с. 292].

С конца 1918 г. в связи с успехами Белой армии на фронте движение новых беженцев на восток перестало носить массовый характер. Но появилась новая группа мигрантов. В Сибирь начали прибывать бывшие российские военнопленные. Численность российских военнопленных была самой большой из всех стран – участниц военных действий. К 1 января 1918 г. в лагерях Германии и Австро-Венгрии находилось чуть более 3,4 млн солдат, офицеров и классных чинов русской армии [10, с. 15]. По окончании Мировой войны началось их медленное и сложное возвращение из плена. Между Советской Россией и Российским правительством было достигнуто соглашение о регулярной отправке и приеме военнопленных, возвращавшихся за Урал. В плановом порядке за февраль – март 1919 г. переправилось 11 137 чел. [90, с. 29–30]. Значительная часть «просочилась» домой через линию фронта стихийно.

Российское правительство выделило средства и материальные ресурсы для обслуживания в пути возвращавшихся из плена, перепрофилировав для этой цели 10 приемных пунктов и другие службы. С декабря 1918 г. по июнь 1919 г. на востоке России велась работа по приему этой группы лиц государ-

ственными (МИД, МВД, Переселенческим управлением, Главным управлением Российского общества Красного Креста), городскими и земскими учреждениями, американскими благотворительными организациями [15, с. 12; 23, л. 98; 24, д. 92, л. 38–38 об., 55, с. 192; 71, 28 янв., 18 февр., 15, 26 июля; 77, 11 июля]. В апреле 1919 г. официальные источники Российского правительства сообщали, что из плена прибыло 60 тыс. чел., а до конца весны ожидалось еще около 200 тыс. чел., к приему которых все службы были готовы [71, 15 апр.]. В этой связи следует признать недостоверным категорическое утверждение О. С. Нагорной о том, что правительственные и земские службы на востоке России отказались от помощи возвращавшимся из плена, смирившись с тем, что «волна пойдет стихийно и беспорядочно» [61, с. 341–342].

4 июля 1919 г. Российское правительство утвердило, наконец, Временное положение о призрении беженцев. В соответствии с ним на государственное попечение принимались все неимущие дети до 14 лет, нетрудоспособные по болезни и старости (мужчины с 55 и женщины с 50 лет). Призреваемым оказывалась помощь в объеме 45 руб. в месяц, плюс 10 руб. на квартиру. Пособие могло выдаваться как деньгами, так и натурой в виде питания, лечения, предоставления места для проживания. Дети беженцев обучались за счет Министерства народного просвещения. Передвижение, питание, лечение всех беженцев, а не только признанных малоимущими, осуществлялось за счет казны [71, 15 авг.; 73, л. 6–8].

Это решение оказалось своевременным. Следующая, куда более мощная волна беженцев, захлестнула Сибирь летом – осенью 1919 г. в связи с отступлением Белой армии из Прикамья, с Урала, а затем и оставлением Сибири. Уральские города покидали служащие со всем казенным имуществом, обыватели, тянущие за собою многочисленные телеги с имуществом, и даже рабочие промышленных предприятий [64, л. 52–52 об., 62–69; 65]. Основной поток беженцев двигался по Транссибирской магистрали. Вновь острой проблемой стало оседание беженцев в городах и на станциях. Главным сборным пунктом стало предместье Омска – станция Куломзино, где скопилось к началу осени около 100 тыс. беженцев. Другой важный канал перемещения беженцев – реки. В июле – августе по Тавде, Тоболу и Иртышу с Северного Урала прибыло около 30 тыс. чел. Генерал В. А. Кислицин, проплывавший в это время из Ляпина в Тобольск, свидетельствовал, что многие уральские крестьяне бежали от «красных», вывозя на лодках все свое домашнее имущество и скот. Все думали, что отступление быстро сменится победоносным наступлением и в ближайшее время все уральцы вернутся домой [44, 14 сент.; 51; 77, 26 сент.; 83, 26, 27 июля, 21 авг.]. По грунтовым дорогам также двигались большие массы людей. Через Тюменский уезд прошло пешком и на подводах 20–30 тыс. крестьян, 12 тыс. рабочих ижевцев и воткинцев, не считая убежавших городских жителей недавно оставленных городов. В свою очередь из самой Тюмени в августе 1919 г. эвакуировалось около 28 тыс. чел. [9, с. 291–292]. Газеты писали, что перед отступающей армией с утра до вечера через западносибирские города на восток тянулись вереницы беженских возов [13, 26 июля]. Множество людей шли пешим ходом с Южного Урала

через Кустанай [28, л. 23]. Наводнившие Западную Сибирь мигранты жили под открытым небом.

Правительственные органы плохо представляли реальную численность и внутреннюю структуру потока мигрантов. Достаточно привести один красноречивый пример. 21 июля прошло специальное междуведомственное совещание об использовании труда беженцев, на котором говорили о необходимости наладить централизованное распределение прибывающих по профессиям, особенно акцентируя внимание на максимально полном трудоустройстве 100 тыс. прибывших с Урала рабочих [77, 26 июля]. Последняя цифра составляла примерно половину уральского промышленного пролетариата. Советские исследователи реконструировали численность эвакуированного с уральских заводов персонала (включая служащих) – около 9 тыс. [37, с. 98].

Из идеи рационального трудоустройства беженцев в суматохе переходящего в бегство отступления ничего не выходило. Только 11 августа 1919 г. организовали централизованный наем беженцев на сельскохозяйственные работы к сибирским казакам с бесплатной доставкой волонтеров по станциям [7, с. 345; 77, 8, 18 авг.].

Спрогнозировать динамику и масштабы беженства и эвакуации колчаковское руководство не сумело. 24 июля 1919 г. управляющий МВД В. Н. Пепеляев выступил на заседании Государственного экономического совещания с докладом о помощи беженцам. По информации выступавшего, все мигранты, независимо от того, двигались ли они по железным дорогам, водным путем или гужом, имели возможность получать пособия от казны. Для этого по линии железных дорог работали 14 питательных пунктов, на водных путях – 3. Общее количество прибывающих В. Н. Пепеляев определил в 90 тыс., но, по его оценкам, лишь 50 % из них нуждались в социальной помощи. Упрек в занижении истинного числа беженцев он парировал тем, что это сведения регистрационного бюро без прибывших из Поволжского района. Даже если беженцев в действительности больше, раз они не обратились в бюро за помощью, следовательно, не нуждаются в ней – полагал управляющий. Он продолжал настаивать, что и в жилищном вопросе не предвидится больших проблем, так как большинство спасавшихся от «красных» – люди интеллигентных профессий и предпочитают снимать частное жилье, нежели ютиться в казенных квартирах [25, л. 77 об., 79].

В действительности большинство предсказаний В. Н. Пепеляева не сбылись. Специальные бараки для беженцев начали строить еще до революции. Но зимой 1918–1919 гг. скученность в них была невероятная, условия проживания – антисанитарные [54, с. 268]. По сообщению МПС, до эвакуации Урала в полосе отчуждения планировали построить бараки на 13 тыс. чел. После того как Урал оказался в руках «красных», решили возводить помещения на 20 тыс. чел., но выделили только 30 % средств [25, л. 79]. Местные отделы призрения материально обеспечивали только небольшую часть нуждавшихся мигрантов. В Алтайской губернии, переполненной беженцами, к 1 июля 1919 г. губернский отдел призрения зарегистрировал только 13 555 чел., при-

чем произвел обследование материального положения на предмет выделения пособия только в отношении 2 251 чел. [74, с. 369].

Истинное количество прибывавших с запада людей было куда большим. Местные власти уже в августе 1919 г. били тревогу по поводу перегрузки коммунального хозяйства и жилищного фонда, требуя государственной помощи и компенсации расходов, возложенных на их и без того пустые бюджеты. В городах по Транссибирской магистрали для размещения беженцев пришлось срочно реквизировать школьные и другие общественные здания, гостиницы, рестораны, строить специальные бараки, проводить уплотнения в частных квартирах и на дачах горожан, чтобы хоть как-то расселить беженцев, эвакуированных и солдат отступавшей армии [34, л. 7–8; 35, л. 231–232 об., 419, 421; 76, с. 366; 81, 10 авг.; 83, 21 авг., 4 сент.].

Беспорядочное бегство соседствовало с плановой эвакуацией. Многие учреждения и даже предприятия успевали собрать и упаковать имущество, личные вещи работников. Последние имели право брать с собой свои семьи. Специфика эвакуационных мероприятий Гражданской войны резко отличалась от опыта эвакуаций Первой мировой войны. В 1919 г. степень организованности оказывалась максимальной в начале эвакуации. Чем дальше в тыл продвигались люди и материальные ценности, тем менее управляемым становился этот процесс. Порой вывозимые в тыл государственные служащие и рабочие казенных предприятий, призываемые и материально опекаемые со стороны государства на подготовительной стадии, по мере своего продвижения на восток превращались в обыкновенных беженцев, которым местные власти готовы были помочь не больше, чем остальному мигрирующему населению. Но все же летом – осенью 1919 г. в общем потоке мигрантов количество лиц, получивших статус эвакуированных, было заметно больше, чем год назад.

12 августа 1919 г. собралось Совецание представителей ведомств по эвакуации и устройству служащих правительственных учреждений, обозначившее массу проблем, связанных с поспешным оставлением Урала. Появилась возможность учесть ошибки и заблаговременно подготовить эвакуацию столицы, о чем впервые еще 14 июля 1919 г. заговорил сам Верховный правитель [50, с. 212; 49, с. 511]. Но А. В. Колчак и его ближайшее окружение испугались негативных морально-психологических последствий организованного оставления столицы. Лишь 22 августа Совет министров принял постановление о вывозе из Омска ряда государственных учреждений, носившее половинчатый характер и вскоре отложенное в связи с началом контрнаступления.

Осенью 1919 г. на железной дороге скопились сотни поездов, использовавшихся как жилье для беженцев. Дальнейшая эвакуация затруднялась скоплением прибывших в Сибирь ранее людей. Перенаселенные беженцами окраины сибирских городов стали очагами распространения эпидемии тифа и других заразных и инфекционных болезней. Их главные очаги – госпитали, приюты, беженские бараки – невозможно было закрыть на дезинфекцию. В Новониколаевске пришлось заселить беженцами даже противочумную дезинфекционную камеру [34, л. 7 об.–8].

Неудивительно, что временная стабилизация фронта в сентябре 1918 г. привела к скорейшей подготовке реэвакуации беженцев. Даже совещание по эвакуации переименовали в совещание по дезэвакуации и устройству служащих и правительственных учреждений [28, л. 66–67 об.]. Но в октябре продолжилось отступление Белой армии, сорвав планы возвращения беженцев. Случай частичной реэвакуации Тобольска в начале октября 1919 г. является исключением [83, 23 окт.; 86, 4 окт.]. Главное, что готовившаяся с августа эвакуация под влиянием событий на фронте практически прервалась на два месяца. Когда настала пора оставлять Омск, почти неподготовленное бегство населения этого громадного чиновничьего мегаполиса окончательно подорвало и без того еле дышавшую систему обеспечения беженцев, работу транспортных и санитарных служб. О роковом значении для Белого движения оставления столицы уже писали [50; 58, с. 345]. Остается добавить, что за этот просчет была заплачена громадная социальная цена. В дальнейшем власть практически потеряла контроль над перемещением беженцев, обрекая всех на самостоятельную борьбу за выживание. В считанные дни Транссибирская магистраль оказалась блокирована, на магистрали остались вагоны с тысячами людей, умиравших от холода и голода. Слухи о происходившей гуманитарной трагедии просочились даже в европейскую прессу, мало интересовавшуюся сугубо внутренними делами России [2, р. 233].

В ноябре 1919 г. к массе спасавшихся бегством людей присоединились многие горожане Западной Сибири. Омск перед эвакуацией насчитывал в 5 раз больше жителей, чем до начала Гражданской войны (500 тыс. чел.), Новониколаевск – в 2,5 (195 тыс. чел.), Петропавловск – в 3 (90 тыс. чел.) раза. В Томске статистические обследования зафиксировали прирост населения за 1918–1919 гг. на 100 тыс. чел., причем беженский поток осени 1919 г. увеличил население города на 61 тыс. чел. Количество беженцев в Иркутске оценивалось газетами в 50–100 тыс. чел. [38, с. 123, 255; 75, с. 14; 76, с. 366].

Для разгрузки железной дороги правительство распорядилось запретить выезд беженцев из городов Западной Сибири на восток, принимать пассажиров только по удостоверениям правительственных учреждений на право выезда или эвакуации [14, 19 нояб.]. Именно масштабная эвакуация правительственных учреждений создала окончательный затор на железнодорожных путях. При наличии денег многие старались купить лошадь, так как гужом можно было продвигаться на восток даже быстрее, чем поездом [39, с. 98–99]. Тысячи подвод потянулись по проселочным дорогам на восток. Многие лишили своего имущества на этом отрезке пути. Никто не вел учет, сколько из пустившихся в путь не выдержали тягот и вернулись домой. Газеты сообщали, что впервые за долгие месяцы в сибирских городах пустовало множество квартир, а советские источники пестрили упоминаниями о разделе имущества в брошенных домах и урожая с небранных полей беженцев – крестьян, казаков, предпринимателей-аграриев [83, 11 дек.].

Остановка Транссиба и нежелание большинства беженцев продвигаться слишком далеко на восток привело к тому, что города прифронтовой полосы оказались переполнены, а за Байкалом эвакуационные службы могли принять

значительное количество людей дополнительно. Местная администрация принимала строжайшие меры для распределения беженцев по сельской местности и малым городам, в строгом соответствии с заранее разработанным планом [12, 24 авг.], но основная часть прибывающих неконтролируемо селилась в крупных центрах. Например, на 1 октября 1919 г. в Хабаровске числилось 169 беженцев, хотя места были подготовлены к принятию 1 500 человек. Зато на железнодорожных путях Забайкалья в это время скопилось 355 вагонов с беженцами, служащими эвакуированных учреждений и предприятий и их имуществом. К концу 1919 г. станции Забайкальской области оказались тоже до предела переполнены эвакуированным населением. Возникла острая необходимость «разгрузки» Читы. Управляющий Забайкальской области ограничил въезд в город служащим, эвакуированные учреждения которых развернули работу в Чите [20, л. 18–19; 21, л. 33, 134–134 об.]. В Байкальском регионе беженство приобрело массовый масштаб в начале 1920 г. в период существования Политцентра. Газеты сообщали, что в январе по Байкалу непрерывной лентой тянулись повозки и толпы людей – «это Иркутск пустился в бега, предчувствуя захват власти большевиками» [45, 11 февр.].

Источники не позволяют дать точную демографическую картину вынужденной миграции в восточных регионах России в годы Гражданской войны. Осенью 1919 г. только на Транссибирской магистрали находилось по приблизительным оценкам от 800 тыс. до 1 млн беженцев [4, р. 246; 48, с. 113; 79, с. 186]. В начале 1920 г. масса беженцев распределилась на три потока: одни вернулись в места выхода, другие расселились в Восточном Забайкалье и Приморье, третьи направились в Маньчжурию. Два последних потока взаимно перемешивались за счет многократных трансграничных миграций. В полосу отчуждения КВЖД в 1920–1922 гг. прибыло около 200 тыс. российских беженцев. Из них примерно половина вернулась в Россию после объявления 3 ноября 1921 г. амнистии рядовым участникам Белого движения [89, с. 63–64].

Решением помощника главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины с 1 апреля 1920 г. беженцам стали выдавать продовольственные пособия наравне с семьями призванных на военную службу, причем с 26 мая 1920 г. – не деньгами, а продуктами [12, 1920, 5 мая]. Это улучшило положение беженской массы в Восточном Забайкалье, гарантировало людям минимальное пропитание.

Высшие органы власти Российской восточной окраины очень стремились поскорее освободить Забайкалье от массы людей и учреждений, находящихся уже полгода в состоянии эвакуации и совершенно не нужных в таком количестве региону. Этим с 27 февраля 1920 г. занималась комиссия «для проведения дальнейшей планомерной эвакуации». Приоритетным считали эвакуацию семей военнослужащих и чиновников, во вторую очередь стремились вывезти больных и раненых, в третью – военные учреждения и оставшиеся семьи и лишь после вывоза необходимого беженцам продовольствия предполагали отправить в Маньчжурию правительственные учреждения [29, л. 2, 148–150 об.]. Дело шло медленно, а падение антибольшевистского ре-

жима в Восточном Забайкалье обернулось повальным бегством всех противников советской власти.

Вовлеченность армии в политические интриги сделала массу эвакуированных людей, так или иначе связавших себя с атаманом Г. М. Семеновым, своеобразными заложниками. В Приморье разгорелась длительная дискуссия о том, принимать ли беглецов из «семеновского царства». Между тем на КВЖД стояло 24 эшелона с войсками, 11 – с беженцами, 9 – с ранеными и больными. По различным данным, военные с семьями насчитывали 23–26 тыс. чел. [5, р. 75, 206; 68, с. 213; 82, с. 196; 88, с. 33–34, 48]. Но китайская сторона силой изгнала российские эшелоны со своей территории, и в итоге Дальневосточная армия проникла в Приморье вопреки запрету [8, с. 391]. Положение осложнялось тем, что через Владивосток одновременно двигались два других встречных потока вынужденных мигрантов. С одной стороны, российские военнопленные, возвращавшиеся из Европы восточным путем, с другой – военнопленные центральных держав, отправлявшиеся домой. Сибревком целенаправленно предлагал примерно 10 тыс. германских и австрийских военнопленных эвакуировать восточным путем через Приморье, рассчитывая усилить таким образом революционные настроения на Дальнем Востоке и канализировать туда же социальную напряженность, связанную с движением массы военнопленных [22; 67, с. 277–278]. Примерно в это же время во Владивосток английскими кораблями было доставлено 3 тыс. российских военнопленных из Германии и 1 тыс. российских беженцев с Ближнего Востока [9, с. 385].

Военное поражение «белого» Приморья осенью 1922 г. стало очевидным, тем не менее режим М. К. Дитерихса не подготовился основательно к эвакуации. За две недели до ухода японцев выяснилось, что покинуть город желает гораздо больше людей, чем рассчитывали военные. Хотя главной причиной бездеятельности являлось отсутствие у правящей власти материальных возможностей для эвакуации больших групп населения. Японское командование настояло на некоторых гуманитарных гарантиях для побежденных, потребовав, чтобы Народно-революционная армия ДВР не входила в город до тех пор, пока не завершится эвакуация всех желающих [57, с. 57–58]. В результате из Владивостока ушло 19 тыс. чел. Среди 9 тыс. двигавшихся пешком и на подводах через Посыет было 4 тыс. больных и раненых, 700 женщин и 500 детей. Вся масса эвакуировавшихся целиком зависела от милосердия принимавшей страны (Китая и Японии) и работы американской и японской миссий Красного Креста [42; 68, с. 245–250; 82, с. 209–212].

Достоверных источников, позволяющих определить численность вынужденных мигрантов в восточных регионах России в годы Гражданской войны, нет. Однако отдельные «отряды» беженцев и эвакуантов прослеживаются приблизительно или более менее достоверно. Значительная часть из них выезжала лишь в соседние регионы, а вынужденное путешествие длилось несколько месяцев и завершилось возвращением. Попытки органов власти организовать потоки мигрантов имели небольшой эффект, но лишь корректировали преимущественно стихийное движение. Для большинства вынужденных

мигрантов периода Гражданской войны движение в пространстве одновременно обернулось движением вниз по социальной лестнице, которое, будучи массовым явлением, охватившим несколько сотен тысяч людей, стало частью великой трагедии народа. Но кроме того, «бег» на восток имел эффект своеобразного социального мультипликатора. Мигранты продуцировали бедность, девиантное поведение, социальную неустроенность вовне сообщества, ухудшая материальное положение и условия быта всего сибирского и дальневосточного населения, порождая взаимные волны агрессии.

Список литературы

1. *Baron N. Gatrell P. Population Displacement, State Building and Social Identity In the Land of the Former Russian empire, 1917–1923 / N. Baron, P. Gatrell // Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History, – Vol. 4. № 1. 2003. – P. 51–100.*
2. *Coates W. P. Armed Intervention in Russia. 1918–1922 / W. P. Coates, Z. K. Coates. – L. 1935. – 400 p.*
3. *Gatrell P. Nivet F. Refugees and Exile / P. Gatrell F. Nivet // The Cambridge History of The First World War. Vol. III: Civil Society. Cambridge University Press, 2014. – P. 186–215.*
4. *Goldhurst R. The Midnight War: the American Intervention In Russia, 1918–1920 / R. Goldhurst – N. Y., 1978. – 288 p.*
5. *Smith C. F. Vladivostok under Red and White Rule. Revolution and Counterrvolution in the Russian Far East. 1920–1922 / C. F. Smith – Seattle, 1975. – 231 p.*
6. *Балабанова Е. С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегия «негативной» адаптации) / Е. С. Балабанова // Социс. – 1999. – № 4. – С. 50–51.*
7. *Белое движение: каталог коллекции листовок (1917–1920 гг.) / сост. Михеева Г. В. – СПб., 2000. – 504 с.*
8. *Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты: воспоминания / В. Г. Болдырев. – Новосибирск, 1925. – 562 с.*
9. *Борьба за власть советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1918–1920 гг.) : сб. док. материалов / П. И. Рощевский. – Свердловск, 1967. – 432 с.*
10. *Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны : учеб. пособие / С. Н. Васильева. – М., 1999. – 146 с.*
11. *Вестн. Времен. Всерос. правительства (Омск). – 1918.*
12. *Вестн. Забайкалья (Чита). – 1919–1920.*
13. *Вестн. Тобол. губернии (Тобольск). – 1919.*
14. *Вестн. Томск. губернии (Томск). – 1919.*
15. *Вестн. Христианского союза молодых людей (Владивосток). – 1919. № 2.*
16. *Волжский день (Самара). – 1918.*
17. *Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет / Е. З. Волков. – М. ; Л., 1930. – 271 с.*
18. *Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.) : сб. док. и материалов / сост., науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск, 2010. – 362 с.*
19. *Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.) : сб. док. и материалов / сост., науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск, 2007. – 818 с.*
20. *Государственный архив Забайкальского края. Ф. 329. Оп. 1.*
21. *Государственный архив Забайкальского края. Ф. 165. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–4 об.*
22. *Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 188. Л. 24.*
23. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 47.*

24. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92.
25. ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 87.
26. ГАРФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 23. Л. 272.
27. ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 1. Д. 1. Л. 50–50 об., 61.
28. ГАРФ. Ф. Р-4669. Оп. 1. Д. 4.
29. ГАРФ. Ф. Р-8404. Оп. 1. Д. 9.
30. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1196. Оп. 1. Д. 41. Л. 20–20 об.
31. Государственный архив г. Тобольска. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 28. Л. 7–8.
32. Государственный архив г. Тобольска. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 34. Л. 7–8.
33. Государственный архив г. Тобольска. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 36. Л. 7–8.
34. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 111. Л. 7–8.
35. ГАТО. Д. 119. Л. 231–232 об., 419, 421.
36. Голос народа. – Томск. – 1918.
37. *Голубцов В. С.* Материалы уральских органов ВСНХ об ущербе, нанесенном уральской промышленности в результате гражданской войны и иностранной интервенции / В. С. Голубцов // Из истории заводов и фабрик Урала. – Свердловск, 1960. – С. 96–101.
38. *Дмитриенко Н. М.* Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX в.: управление, экономика, население / Н. М. Дмитриенко. – Томск, 2000. – 283 с.
39. *Енборисов Г. В.* От Урала до Харбина: Оренбургское казачье войско / Г. В. Енборисов. – М., 2014. – 288 с.
40. *Еремин И. А.* Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны / И. А. Еремин. – Барнаул, 2005. – 278 с.
41. *Ефимов А.* Ижевцы и воткинцы // 1918 год на востоке России / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. – М., 2003. – С. 343–379.
42. *Жиганов В. Д.* Эвакуация Приморья / В. Д. Жиганов // Последние бои на Дальнем Востоке / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волков. – М., 2005. – С. 739–740.
43. Журналы заседаний, приказы материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Июнь – октябрь 1918 г.). Публикация / отв. ред. Б. Ф. Додонов. – М., 2011. – 632 с.
44. За Родину. – Семипалатинск. – 1919.
45. Забайкальская новь. – Чита. – 1920.
46. Записки белогвардейца-лейтенанта N. N. // Архив русской революции. – М., 1991. Т. X. – С. 56–113.
47. Заря Поволжья. – Самара. – 1918.
48. *Звягин С. П.* Беженцы в сибирских городах (1918–1919 гг.) // Хозяйственное и культурное освоение Урала и Сибири в XIX–XX вв. / С. П. Звягин. – Томск, 2008. – С. 112–116.
49. *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак, Верховный правитель России / П. Н. Зырянов. – М., 2006. – 460 с.
50. *Зырянов П. Н.* Омская эвакуация и конец белой власти в Сибири // Проблемы политической и экономической истории России / П. Н. Зырянов. – М., 1998. – С. 119–139.
51. *Кислицин В. А.* В огне гражданской войны: мемуары / В. А. Кислицин. – Харбин, 1936. – 113 с.
52. *Курцев А. Н.* Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917) / А. Н. Курцев // Вопр. истории. – 1999. – № 8. – С. 98–113.
53. *Курышев И. В.* Социально-психологический облик и социальное протестное движение крестьянства Западной Сибири и Северного Казахстана в годы Гражданской войны (1918–1921 гг.) / И. В. Курышев, Л. А. Гривенная. – Ишим, 2010. – 184 с.

54. Лоусон Т. Хилл-мл. Американка в Сибири во время гражданской войны в России в 1918–1919 гг. / Т. Хилл-мл. Лоусон. – М., 2004. – 384 с.
55. Луков Е. В. Политика антибольшевистских правительств в области государственного призрения // Жизни в истории. К 100-летию со дня рождения И. М. Разгона / Е. В. Луков. – Томск, 2006. – С. 182–194.
56. Малышева С. Ю. Комучевская Казань // Татарстан / С. Ю. Малышева. – Казань, 2001. – № 9. – С. 54–57.
57. Мейблом Ф. Тернистый путь // Последние бои на Дальнем Востоке / Ф. Ф. Мейблом; сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волков. – М., 2005. – С. 45–59.
58. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака / С. П. Мельгунов. – М., 2005. – Кн. 2. – Ч. 3. – 496 с.
59. Минаев В. В. Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) / В. В. Минаев // Новый ист. вестн. – 2001. – № 1. – С. 6–66.
60. Минаев В. В. Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) / В. В. Минаев // Гражданская война в России (1917–1922 гг.). – М., 2002. – С. 207–224.
61. Нагорная О. С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922) / О. С. Нагорная. – М., 2010. – 440 с.
62. Народ. – Самара. – 1918.
63. Объединенный архив Челябинской области. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 136. Л. 6.
64. Объединенный архив Челябинской области. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 321. Л. 52–52 об., 62–69.
65. Оренбургский Вестник Комуча. – Оренбург. – 1918.
66. Пай С. С. Решение проблемы беженства, беспризорности и безнадзорности детей в Приморской области в 1917–1922 гг. // Гражданская война и интервенция на российском Дальнем Востоке: урок и истории: материалы второй междунар. науч. конф. / С. С. Пай. – Владивосток, 2012. – С. 149–154.
67. Парфенов (Алтайский) П. С. Борьба за Дальний Восток / П. С. Парфенов. – М., 1928. – 368 с.
68. Петров Н. Н. От Волги до Тихого океана в рядах белых: Воспоминания, документы / П. П. Петров; сост. С. П. Петров, Л. Ю. Тремисина. – М., 2011. – 544 с.
69. Попов Ф. Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий / Ф. Г. Попов. – Куйбышев, 1972. – 328 с.
70. Посадский А. В. Уральское и Прикамское беженство в 1919 г. [Электронный ресурс] / А. В. Посадский. – URL: www.permgani.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-voyna-na-vostoke-rossii/a-v-posadskij-uralskoe-i-prikamskoe-bexhenstvo-v-1919-godu.html.
71. Правительственный вестник. – Омск. – 1919.
72. Приморская жизнь. – Владивосток. – 1918.
73. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 28. Оп. 1. Д. 851.
74. Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922: Хрестоматия / сост. Я. Кривоносов. – Барнаул, 2001. – 528 с.
75. Рипп Г. Х. Советская военная медицина во время гражданской войны и интервенции в Сибири (1918–1922 гг.) / Г. Х. Рипп. – Новосибирск, 1987. – 188 с.
76. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов ; сост., предисл. и примеч. Н. В. Куликаускене. – Иркутск, 1994. – 560 с.
77. Русская армия. – Омск. – 1919.
78. Рыженко В. Г. Беженцы периода гражданской войны (к вопросу об использовании материалов центральных архивов) / В. Г. Рыженко // Человек и война. XX

век: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 2002. – С. 23–26.

79. Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (лето 1918–1919 г.) / В. М. Рынков. – Новосибирск, 2008. – 440 с.

80. Рынков В. М. Эвакуационные мероприятия антибольшевистских сил на востоке России // История Сибири, 1583–2006: Проблемы и перспективы : сб. материалов науч. конф. / В. М. Рынков. – Новосибирск, 2006. – С. 180–188.

81. Свободный край. – Иркутск. – 1919.

82. Серебрянников И. И. Гражданская война в России: великий отход / И. И. Серебрянников; сост. и предисл. В. А. Мейера. – М., 2003. – 695 с.

83. Сиб. жизнь. – Томск. – 1919.

84. Суржикова Н. В. Российское беженство 1914–1922 гг. в контексте новейших отечественной и зарубежной историографий / Н. В. Суржикова., Н. А. Михалев., С. А. Пьянков // Вестн. Перм. ун-та. 2012. – Вып. 3 (20): История. – С. 140–152.

85. Темирбулатов Д. Р. Проведение эвакуации мест заключения и тюремного ведомства Российского правительства А. В. Колчака на территории Сибири / Д. Р. Темирбулатов // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2013. – № 2. (54). – Т. 3. – С. 257–262.

86. Тобольский стрелок. – Тобольск. – 1919.

87. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 18. Л. 49–53, 92–93.

88. Ципкин Ю. Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.) / Ю. Н. Ципкин. Хабаровск, 1996. – 182 с.

89. Чапыгин И. В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая : дис. ... канд. ист. наук / И. В. Чапыгин. – Иркутск, 2006. – 186 с.

90. Щеров И. П. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. / И. П. Щеров. – Смоленск, 2000. – 95 с.

91. Щетинина А. С. Беженцы на Юге Западной Сибири 1914–1923 гг.: источники и методы изучения : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. С. Щетинина. – Барнаул, 2007.

«Siberian Race»: Forced Migration in the East of Russia During the Civil War (1918–1922)

V. M. Rynkov

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

Abstract. The article investigates refugees and evacuation as two main forms of forced migrations of civil society from eastern regions of Russia in 1918–1922. The author analyzes approximate quantitative data of the race at different stages of Civil war and points out that the forced migration turned into mass downward vertical mobility, as well as deteriorated inhabitants' conditions in receiving regions, producing downward mobility outside.

Keywords: social mobility, migrations, Civil war, refugees, evacuation, Povolzhye, Ural, Siberia, Far East.

Рынков Вадим Маркович

*кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Сибирское отделение СО РАН
630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
тел.: 8(913)903-5-39
e-mail: vadsvet@list.ru*

Rynkov Vadim Markovich

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Senior Researcher
Institute of History SB RAS
8, Nikolayev st., Novosibirsk, 630090
tel.: 8(913)903-65-39
e-mail: vadsvet@list.ru*